

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 152–164.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 152–164.

Научная статья

УДК 343.212

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/152-164>

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО СУБИНСТИТУТА В КОНТЕКСТЕ ЛОГИЧЕСКОГО СООТНОШЕНИЯ ИНСТИТУТА И СУБИНСТИТУТА ПРАВА

Сергей Павлович Усенко

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина,
г. Краснодар, Россия, 2682135@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1961-8583>

Аннотация. Устоявшееся понимание субинститута уголовного права как элемента структуры уголовно-правового института требует дополнительной проверки с точки зрения анализа логического соотношения этих понятий. Именно оно позволяет уточнить признаки субинститута права и на их основе сформулировать операциональное определение искомого явления. В работе на основе анализа соотношения субинститута и института с позиций логических категорий вид и род, часть и целое, особенное и общее выявлены признаки субинститута уголовного права и предложена его дефиниция в качестве элемента структуры института уголовного права, который образован одним или несколькими однопорядковыми нормативными предписаниями, предлагающими, в зависимости от видовой специфики юридического факта, породившего уголовно-правовые отношения, интегрирующий или дифференцирующий режим правового регулирования этих отношений в пределах задач и принципов, заданных институтом уголовного права, в целях обеспечения стабилизирующей и адаптивной функций уголовного права.

Ключевые слова: субинститут уголовного права, институт уголовного права, предмет и метод уголовно-правового регулирования, система уголовного права, нормативное предписание уголовного права, законы логики в праве.

Для цитирования: Усенко С. П. Понятие и признаки уголовно-правового субинститута в контексте логического соотношения института и субинститута права // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 152–164. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/152-164>

Original article

THE CONCEPT AND FEATURES OF THE CRIMINAL LAW SUBINSTITUTE IN THE CONTEXT OF THE LOGICAL RELATIONSHIP OF THE INSTITUTE AND THE SUBINSTITUTE OF LAW

Sergey Pavlovich Usenko

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia,
2682135@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1961-8583>

Abstract. The well-established understanding of the criminal law substitute as an element of the structure of a criminal law institution requires additional verification from the point of view of analyzing the logical correlation of these concepts. It is it that makes it possible to clarify the signs of the substitute of law and, on their basis, formulate an operational definition of the desired phenomenon. Based on the analysis of the ratio of the substitute and the institute from the standpoint of the logical categories species and genus, part and whole, special and general, the signs of the substitute of criminal law are identified, and its definition is proposed as an element of the structure of the institute of criminal law, which is formed by one or more single-order normative prescriptions, offering, depending on the specific nature of the legal fact, which gave rise to criminal law relations, integrating or differentiating the regime of legal regulation of these relations within the objectives and principles, set by the Institute of Criminal Law, in order to ensure the stabilizing and adaptive functions of criminal law.

Keywords: substitute of criminal law, institute of criminal law, subject and method of criminal law regulation, system of criminal law, normative prescription of criminal law, laws of logic in law.

For citation: Usenko S. P. The concept and features of the criminal law substitute in the context of the logical relationship of the institute and the substitute of law // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 152–164. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/152-164>

Субинститут уголовного права в самом общем виде представляет собой возможный элемент структуры уголовно-правового института, который возникает и развивается внутри него как некая специфическая ассоциация правовых предписаний. Такое устойчиво сложившееся понимание требует уточнения признаков и понятия субинститута в контексте его формально-логических отношений с базовой конструкцией правового института: является ли соотношение субинститута и института отражением целого и части, вида и рода, общего и особенного. Линейно и однозначно ответить на этот вопрос затруднительно.

Дело в том, что если рассматривать соотношение анализируемых феноменов с точки зрения структуры реального правового института, то субинститут есть всего лишь часть института как целого. При этом целое (институт), как известно, может существовать без какой-либо части (субинститута) или может быть дополнено новой частью, приобретающей характеристики целого, но часть без целого или не существует вовсе, или не сохраняет свои функциональные характеристики. Перечисление и описание нескольких или всех частей целого (субинститутов) позволяет сформировать вполне достаточное, но не полное представление о целом (институте), поскольку целое обладает некоторыми эмерджентными свойствами, которых нет у частей целого.

Если смотреть на институт и субинститут с логической точки зрения и соотношения их не как явлений, а как понятий, то, следуя логике отраслевого строения права и наличия корреляции между элементами структуры отрасли и предметом правового регулирования, соотношение между искомыми понятиями укладывается в тип родо-видовых отношений, при котором видовые отношения, регулируемые субинститутом, выступают вариацией родовых отношений, упорядоченных институтом права. В таком случае субинститут есть подчиненное понятие по отношению к понятию института. Объем понятий совпадает частично таким образом, что имеются элементы, входящие в объем только подчиняющего понятия (предписания, образующие институт), а также элементы, входящие в объем первого и второго понятия (предписания, образующие субинститут, например, принципы или общие положения института), но нет таких элементов, которые входили бы только в объем второго понятия, не образуя при этом объема первого понятия (предписания, образующие субинститут и не принадлежащие институту).

Наконец, с позиций функциональной характеристики субинститут и институт укладываются в логику соотношения особенного и общего. В диалектическом восприятии ни общее (институт), ни особенное (субинститут) не обладают самостоятельным существованием, не существуют «как таковые», они существуют лишь в отдельном (конкретном регулировании конкретного правоотношения), в виде сторон, моментов этого отдельного. Всякое отдельное (конкретное урегулированное отношение) представляет собой единство противоположностей, оно в одно и то же время и единичное, и общее. Через свои неповторимые черты, свойства оно выступает как единичное, но через стороны, повторяющиеся в других материальных образованиях, оно выступает как общее.

Это реальное многообразие отношений между субинститутом и институтом права необходимо в обязательном порядке учитывать при формировании понятия субинститута и определении его признаков. Игнорирование того или иного аспекта их соотношения может привести к неверным логическим умозаключениям.

Родо-видовое отношение института и субинститута уголовного права предполагает, что природа явлений, которые их составляют, должна быть идентичной.

В нашем случае – правовая или нормативная. Это положение является не просто теоретической идеей, но и имеет официальное признание в виде мнения Конституционного Суда РФ, высказанного, в частности, в отношении института амнистии, который должен иметь «единую нормативно-правовую основу» [1].

В связи с этим следует обратить внимание на несколько важных моментов.

Прежде всего, стоит согласиться с И. В. Ореховым, что в субинститут права не могут входить моральные или иные социальные, но не правовые, регуляторы [2, с. 52–53]. Это положение отражает общий взгляд на понятие права, соотношение в нем властных предписаний и моральных установлений, дискуссия по поводу которого не прекращается. Не имея цели и возможности включиться в эту дискуссию и полагая вслед за В. Д. Зорькиным, что между правом и моралью не должно быть пропасти, что «нельзя, игнорируя ценностные и морально-этические установки подавляющего социального большинства, навязывать законодательную нормативность, отрицающую или ставящую под сомнение базовые ценности общего блага, важнейшей из которых является само право» [3, с. 27], отметим все же, что моральное обоснование уголовно-правовых норм и правовой характер содержания институтов и субинститутов уголовного права – различные аспекты теории права. Право не должно противоречить морали, но нормы морали сами по себе не являются частью права; если же то или иное моральное установление закрепляется в законе, оно утрачивает свою природную связь со сферой морали и становится частью именно системы права.

Эти рассуждения особенно важны в связи с неочевидной природой принципов уголовного права, многие из которых (гуманизм, справедливость, равенство) имеют генетические связи с моралью общества. Однако стоит помнить, что каким бы ни было происхождение этих принципов, сегодня они получили статус законодательных положений. В этом отношении они вполне могут рассматриваться как форма права или правовой регулятор, а само право (в том числе и уголовное) восприниматься как единство норм и принципов [4].

В специальной литературе этот аспект проблемы не обойден вниманием. В частности, М. С. Жук пишет, что уголовно-правовой институт являет собой единство правовых предписаний и правовых принципов [5, с. 13]. Соглашаясь с такой трактовкой, важно подчеркнуть, что принципы уголовно-правовых институтов чаще всего (практически всегда) не имеют нормативной формы выражения и являются результатом либо доктринального, либо официального (чаще – судебно-конституционного) толкования самого уголовно-правового института или результатом конкретизации более общих, уголовно-правовых или конституционных принципов регулирования взаимоотношений между государством и личностью в сфере уголовно-правовых отношений. В связи с этим подход к включению принципов в структуру уголовно-правового института должен быть, как минимум, осторожным. В любом случае частью уголовно-правового института как элемента си-

стемы права не могут быть доктринальные идеи, сколь бы правильными или важными они ни были.

И еще. Принципы – всегда есть положения обобщенного, более или менее абстрактного характера. Их содержательное уточнение должно иметь и имеет пределы, за которыми принципы становятся «простыми» правовыми предписаниями. По этой причине, не возражая против обоснованной в науке идеи наличия принципов правовых, в том числе уголовно-правовых, институтов, полагаем возможным решительно не согласиться с идеей существования принципов субинститутов права [6, с. 55–57]. Обособление таковых неоправданно занижает статус принципов, ограничивая сферу их приложения. Субинституты уголовного права не имеют собственных принципов, но всецело подчинены принципам соответствующего уголовно-правового института и уголовно-правовым принципам; направлены на адекватное, наилучшее воплощение их требований. Именно единство принципов всех образующих уголовно-правовой институт предписаний обеспечивает цельность и неделимость правового института. Детализация принципов уголовно-правового института и формулировка на этой основе принципов уголовно-правового субинститута фактически будет означать либо попытку повысить статус субинститута до уровня полноценного уголовно-правового института, либо приведет к конструированию некоторых положений, не отличимых по своему содержанию от обычной правовой нормы.

Таким образом, единство природы субинститута и института уголовного права необходимо понимать таким образом, что оба они являются нормативными образованиями с той принципиальной оговоркой, что институт (как родовое понятие) включает в свое содержание нормативные предписания и принципы, а субинститут – только нормативные предписания, подчиненные принципам уголовно-правового института.

Нормативный характер субинститута заставляет упомянуть еще один аспект проблемы. Он достаточно известный и являет образец «старой» дискуссии относительно элементного состава отрасли уголовного права, в которой часть специалистов видит начальным элементом правовые нормы, а другая – нормативные предписания. Общая теория права предлагает разнообразные по количеству и набору элементов концепции структуры права. Классической считается модель основателя отечественной правовой структурологии С. С. Алексеева, предлагающая двухслойную дифференциацию, где первый слой – главный – базируется на структуре закона и включает нормативные предписания и институты, которые могут дополняться субинститутами, подотраслями, ассоциациями норм и объединениями институтов; а второй – идеальный – основывается на логических нормах и правовых конструкциях [7, с. 23–24]. Этот дуализм структуры права специфическим образом понимается в отраслевых уголовно-правовых исследованиях.

Применительно к проблематике институтов уголовного права отдельные авторы полагают, что он складывается из уголовно-правовых норм [8, с. 61], другие настаивают, что из уголовно-правовых предписаний [9, с. 164]. Третьи отмечают, что не только цельные (полные) уголовно-правовые нормы образуют правовой институт, но и повторяемые в них правовые предписания [10, с. 185–187]. Эти позиции в полной мере могут быть экстраполированы и на понимание нормативного содержания субинститута уголовного права.

Представляется, что приведенная дискуссия не имеет сколько-нибудь серьезного содержательного значения для раскрытия нашей темы, а позиции диспутантов различаются методологическим подходом к пониманию самой уголовно-правовой нормы и к вопросу о соотношении права и закона. В связи с этим без дополнительных комментариев и пояснений позволим себе согласиться с концепцией, в рамках которой правовое предписание воспринимается как выраженное в законе и закрепленное в статье или части статьи УК РФ официальное веление власти. И именно эти веления в той или иной совокупности следует рассматривать как институт или субинститут уголовного права. В дальнейшем изложении нормативное содержание уголовно-правового субинститута будет пониматься нами исключительно как уголовно-правовые предписания.

Таким образом, с точки зрения родо-видового (гипонимического) соотношения субинститута и института уголовного права субинститут представляет собой исключительно правовое образование, определенный класс нормативных уголовно-правовых по своему содержанию предписаний, входящих в «материнский» правовой институт и подчиненных его принципам.

Следующий шаг в познании признаков уголовно-правового субинститута дает анализ его соотношения с институтом по линии «часть – целое». Именно здесь исследование позволяет высказать наиболее существенные упреки в адрес концепции И. В. Орехова, который видит в субинституте элемент системы права, представляющий собой некоторое множество предписаний, обособленных в системе закона [2, с. 52–53].

Во-первых, субинститут не может рассматриваться напрямую как элемент системы права. Он есть часть правового института, который и выступает элементом отрасли как системы. Под системой чаще всего понимают нечто целое, состоящее из взаимосвязанных в соответствии с определенными закономерностями частей. Причем части эти выделяются по определенным признакам и имеют строго упорядоченный характер взаимодействия. Помещение субинститута в линейный ряд структурных элементов отрасли нарушает субординационные связи в структуре отрасли. Взаимодействие субинститута как «части части» с отраслью как «целым» не может быть прямым, оно всегда опосредуется через правовой институт. К примеру, субинститут выдачи лиц, совершивших преступление (ст. 13 УК РФ), не мо-

жет взаимодействовать с иными институтами уголовного права, минуя «материнский» институт действия уголовного закона в пространстве.

Во-вторых, нельзя согласиться с категорическим утверждением о том, что субинститут всегда есть совокупность, то есть множество нормативных предписаний. В одной из своих работ И. В. Орехов пишет, что «субинститут – это объединение норм права. Следовательно, для них он выступает некой оболочкой и связующим элементом. В рамках своей категории организует некую иерархию для входящих в него норм. Таким образом появляются некие субординационные отношения. При взаимодействии с нормами субинститут выступает властной стороной таких отношений, но по отношению к институтам права субинституты занимают противоположную сторону» [11, с. 70]. Такой подход может иметь право на существование, только если согласиться с оспоренным выше линейным строением отрасли права. В этом случае правовое предписание, если оно претендует на статус субинститута, действительно должно иметь ассоциации с иными предписаниями аналогичного ранга и свойства, и только объединившись, через субинститут, они могут войти в отрасль структурным компонентом. Но здесь небызупречна исходная посылка. Субинститут возникает не из норм, он возникает из института. И в этой связи выражающие субинститут уголовно-правовые предписания вполне могут быть единичными.

В-третьих, из изложенного логично вытекает и необязательность такого признака субинститута уголовного права, как обособленность объединения в структуре нормативного акта. Структура закона во многом определяет представления о структуре права. Отсюда при рассмотрении элементного состава структуры права необходим анализ структурных элементов закона, его рубрикация, разбиение на главы и иные подразделения, их компоновка и взаиморасположение. Для отечественного уголовного права, лишенного в соответствии с волей законодателя правовых обычаев, аналогии права и судебного прецедента в качестве источников, данный аспект является определяющим. По мнению В. П. Коняхина, в этом случае «можно говорить о существенном совпадении структуры системы уголовного права и структуры системы уголовного законодательства как о допустимом методологическом правиле» [9, с. 133]. Отталкиваясь от этой теоретической посылки, надо признать, что главы УК РФ, выражающие собой уголовно-правовые институты или объединения уголовно-правовых институтов, лишены внутреннего деления на более мелкие композиционные единицы текста. В силу этого говорить об обособлении уголовно-правовых субинститутов, к примеру, на уровне отделений той или иной главы закона не приходится. По меньшей мере в настоящий момент. В целом же или в перспективе не исключается композиционное обособление субинститутов в структуре текста уголовного закона. Уголовное право, будучи более консервативным, чем иные отрасли, замкнутое в рамках одного нормативно-правового акта,

долгое время не нуждалось в расширенной номенклатуре структурных элементов отрасли и самого закона. Классическая триада «норма – институт – отрасль» удовлетворяла всем потребностям в исследовании структурных особенностей отрасли и находила прямое выражение в корреспондирующей триаде «статья – глава – кодекс». С развитием же субинститутов права можно ожидать появления усложненной структуры нормативно-правового акта.

Таким образом, анализ соотношения субинститута и института уголовного права с позиций взаимосвязи части и целого позволяет говорить о том, что субинститут есть всегда часть уголовно-правового института, представляющая собой одно или несколько уголовно-правовых предписаний, не обязательно, но потенциально возможно выраженных в обособленной части текста уголовного закона.

Наконец, один из важнейших аспектов раскрытия признаков субинститута уголовного права требует анализа их соотношения с институтом в контексте логики понятий «общее – особенное».

Особенное, как известно, должно обладать признаками общего (а через него и всеобщего) и иметь к тому же некоторые специфические характеристики, позволяющие отличить это особенное от всего иного класса явлений, образующих общее.

Следуя этой истине, надо признать, что субинститут уголовного права должен обладать общими признаками института (то есть иметь нормативную природу, быть образованным из однопорядковых правовых предписаний, регулировать уголовно-правовые отношения, выступающие предметом регулирования института, быть выраженным в уголовном законе). В данном случае важно обратить внимание на два момента.

Во-первых, именно единство предмета правового регулирования института и субинститута является наиболее значимым совпадающим признаком «общего» и «особенного». Такое совпадение показывает «родство» и «единство» правовых норм, а равно указывает на тот факт, что субинститут принадлежит именно этому, а не иному институту уголовного права. Не требует в этом отношении доказательств простой тезис о том, что субинститут мер воспитательного воздействия по определению не может принадлежать институту норм об ответственности за хищения ввиду качественных различий предмета правового регулирования. Хотя и институт хищений, и субинститут мер воспитательного воздействия обладают признаками всеобщего, будучи нормативными предписаниями именно уголовного, а не иного права.

Во-вторых, институт и субинститут образуют однопорядковые предписания. Как отмечал С. С. Алексеев, «в отличие от ассоциации норм (где, по существу, имеется одна генеральная норма с сопровождающими ее конкретизирующими предписаниями) в институт входят несколько однопорядковых положений» [7, с. 124]. И если субинститут есть часть института, логично, что субинститут не может быть образован предписаниями, не отвечающим требованиям основных норм. Это не может быть

исключительно набор вариативных или конкретизирующих предписаний, ассоциированных с какой-либо одной нормой правового института. В данном случае следует согласиться с мнением М. С. Жука, что «ассоциация нормативных предписаний в уголовном праве может быть проиллюстрирована практически любой статьей Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за преступления с основным и квалифицированным составом. Здесь первая часть статьи, описывающая признаки основного состава, будет представлять собой основное (главное) нормативное предписание, а те ее части, которые описывают квалифицирующие признаки, – конкретизирующие это предписание вариативные положения. В итоге перед нами ассоциация нормативных предписаний. Назвать ее правовым институтом нельзя именно в силу того, что в рассматриваемой группировке главным выступает только одно предписание» [5, с. 119]. Равным образом нельзя любую статью уголовного закона саму по себе воспринимать в качестве субинститута. Не образуют группы взаимосвязанных предписаний об ответственности за кражу (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ) и т. д. субинституты института хищения по той причине, что они исчерпывают собой весь набор предписаний закона об ответственности за хищения. «Расчленение» института на такие «субинституты» происходит без остатка, в силу чего на долю института ничего не остается физически. Институт не может состоять только из субинститутов. Нельзя воспринимать в качестве субинститута и набор квалифицирующих признаков за кражу, мошенничество и т. д., поскольку эти дифференцирующие предписания относятся только к одному главному, основному предписанию, но не к институту в целом. Таким образом, субинститут могут образовывать лишь такие предписания, которые по своему статусу равны всем остальным предписаниям, входящим в институт права, то есть являются основными.

При таком подходе особое значение приобретает поиск того «особенного», что присуще основным предписаниям, входящим в уголовно-правовой институт и регулирующим его предмет, но что позволяет обособить эти предписания в качестве субинститута.

Обращаясь к структуре уголовно-правового института, М. С. Жук писал, что ее образуют: 1) ядро института – несколько генеральных нормативных предписаний регулятивного или охранительного характера, представляющих собой каждое в отдельности ассоциацию одного основного и одного или нескольких конкретизирующих (детализирующих или вариативных) предписаний; 2) необходимое дополнение – специализированные предписания общего характера: общие, декларативные, дефинитивные; 3) возможное дополнение – специализированные предписания специального типа: оперативные, коллизионные [5, с. 122].

Эта схема может быть весьма полезной в наших рассуждениях. Не оспаривая ее по существу, заметим, что три подгруппы предписаний, выделенных автором, выполняют в структуре института различные функции: некоторые предписания

являются «рабочими» (предписания регулятивного или охранительного характера, другие – «обслуживающими» (общие и специализированные предписания).

Полагаем, что на роль субинститута уголовного права не могут претендовать те части правового института, которые в этой градации относятся к числу основных. Они – неотъемлемая часть института, его ядро, без которого сам институт лишается возможности функционирования. Они несут на себе основную нагрузку в правовом регулировании той или иной группы отношений, которые составляют предмет институционального регулирования. И в этом отношении вполне принадлежат тому самому «нерастворимому остатку» правового института, о котором писал С. С. Алексеев.

Другое дело – предписания «обслуживающие». Наименование в данном случае условное и несколько не свидетельствующее о меньшей значимости таких предписаний. Напротив, чем более они развиты, тем полнее институт регулирует соответствующую группу правоотношений, тем более развит сам уголовно-правовой институт. Такие предписания в структуре уголовно-правового института выполняют «сквозные» функции, обеспечивая его устойчивость и адаптивность. Именно в области этих предписаний и следует, прежде всего, искать субинституты уголовного права. На их роль вполне могут претендовать и предписания общего характера (например, закрепленные в примечаниях 1–4 к ст. 285 УК РФ дефиниции субъектов должностных преступлений), и предписания специализированные (например, коллизионное положение, закрепленное в ч. 3 ст. 17 УК РФ, относительно преодоления конкуренции общей и специальной нормы).

Это не значит, однако, что основные (рабочие) предписания не могут в принципе составить субинститут уголовного права. В некоторых ситуациях законодатель посредством таких предписаний решает особые задачи в правовом регулировании той или иной группы отношений, составляющих предмет института. Прежде всего речь идет о дифференциации уголовной ответственности. В подобных ситуациях дифференцирующие основные предписания также могут претендовать на статус субинститута (такowymi, к примеру, выступают субинститут принудительных мер воспитательного воздействия в системе института уголовной ответственности несовершеннолетних или субинститут мелкого хищения в системе института норм об ответственности за хищения).

Таким образом, с точки зрения соотношения особенного и общего субинститут уголовного права представляет собой нормативные предписания, которые являются однопорядковыми по отношению ко всем иным предписаниям правового института и регулируют единую с ним группу правоотношений, но отличаются особым функциональным предназначением, предлагая интегрирующие или дифференцирующие «услуги» и обеспечивая тем самым стабильность и адаптивность правового регулирования.

Изложенное позволяет сделать несколько важных выводов и сформулировать искомое понятие субинститута уголовного права:

- при характеристике конститутивных признаков уголовно-правового субинститута необходимо учитывать его соотношение с институтом уголовного права, которое в контексте логических конструкций может быть описано посредством категорий вид и род, часть и целое, особенное и общее. С точки зрения гипотимических отношений субинститут представляет собой исключительно правовое образование, определенный класс нормативных уголовно-правовых по своему содержанию предписаний, входящих в «материнский» правовой институт и подчиненных его принципам. В контексте взаимосвязи части и целого субинститут есть всегда часть уголовно-правового института, представляющая собой одно или несколько уголовно-правовых предписаний, выраженных в части текста уголовного закона. С точки зрения соотношения особенного и общего субинститут образуют однопорядковые правовые предписания, которые регулируют единую с институтом группу правоотношений, но отличаются интегрирующим или дифференцирующим предназначением;

- признаками субинститута уголовного права необходимо признать: а) наличие одного или нескольких самостоятельных нормативных предписаний и одновременно отсутствие в структуре субинститута иных социальных норм и требований; б) необязательное, но потенциально возможное выражение в обособленной части текста уголовного закона; в) существование только в пределах уголовно-правового института и подчиненность его принципам и целям; г) общий предмет правового регулирования института и субинститута уголовного права; д) видовое своеобразие юридического факта или режима регулирования уголовно-правовых отношений, составляющих предмет институционального регулирования; е) особое функциональное предназначение субинститута, призванного в масштабах всего института оказывать интегрирующее или дифференцирующее воздействие на процесс правового регулирования; ж) ориентация на выполнение стабилизирующих и адаптивных функций отрасли уголовного права;

- содержание признаков субинститута может быть положено в основу его теоретической дефиниции. Субинститут уголовного права являет собой элемент структуры института уголовного права, который образован одним или несколькими однопорядковыми нормативными предписаниями, предлагающими, в зависимости от видовой специфики юридического факта, породившего уголовно-правовые отношения, интегрирующий или дифференцирующий режим правового регулирования этих отношений в пределах задач и принципов, заданных институтом уголовного права, в целях обеспечения стабилизирующей и адаптивной функций уголовного права.

Список источников

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 4.
2. Орехов И. В. Понятие и признаки субинститута права: настоящее и будущее // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 3 (48). С. 51–55.
3. Зорькин В. Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 5–16.
4. Ершов В. В. Принципы права: сущность и функции // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 5–15.
5. Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. 380 с.
6. Мазаев В. Д. Понятие и конституционные принципы публичной собственности: учебное пособие. М., 2004. 95 с.
7. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. 263 с.
8. Тенчов Э. С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. 1986. № 8. С. 60–66.
9. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. 348 с.
10. Кленова Т. В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2007 г.) / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2007. С. 185–187.
11. Орехов В. И. Взаимодействие субинститута права с другими элементами системы права Российской Федерации // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 7–8 (48). С. 68–72.

References

1. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 24, 2003 No. 7-P “On the case of checking the constitutionality of the provision of paragraph 8 of the Resolution of the State Duma of May 26, 2000 “On the announcement of an amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945” in connection with the complaint of citizen L.M. Zaporozhets. *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*, 2003, no. 4. (In Russ.).
2. Orekhov I. V. The concept and signs of a sub-institution of law: the present and the future. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2016, no. 3 (48), pp. 51–55. (In Russ.).
3. Zorkin V. D. The essence of law. *Voprosy filosofii*, 2018, no. 1, pp. 5–16. (In Russ.).

4. Ershov V. V. Principles of law: essence and functions. *Rossiiskoe pravosudie*, 2019, no. 2, pp. 5–15. (In Russ.).
5. Zhuk M. S. Institutions of Russian criminal law: concept, system and development prospects. Dr. Dis. (Legal Sci.). Krasnodar, 2013. 380 p. (In Russ.).
6. Mazaev V. D. Concept and constitutional principles of public property: textbook. M., 2004. 95 p. (In Russ.).
7. Alekseev S. S. The structure of Soviet law. Moscow, 1975. 263 p. (In Russ.).
8. Tenchov E. S. Institutions of criminal law: system and relationship. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1986, no. 8, pp. 60–66. (In Russ.).
9. Konyakhin V. P. Theoretical foundations for the construction of the General part of the Russian criminal law. St. Petersburg, 2002. 348 p. (In Russ.).
10. Klenova T. V. Correlation of norms and prescriptions in institutions of criminal law. In: Komissarov V. S. (ed.). *Sistemnost' v ugovnom prave: materialy II Rossiiskogo kongressa ugovnogo prava* (May 31 – June 1, 2007), 2007, pp. 185–187. (In Russ.).
11. Orekhov V. I. Interaction of the sub-institution of law with other elements of the system of law of the Russian Federation. *Voprosy sovremennoi yurisprudentsii*, 2015, no. 7–8 (48), pp. 68–72. (In Russ.).

Информация об авторе

С. П. Усенко – соискатель кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия,

Information about the author

S. P. Usenko – Candidate of the Department of Criminal Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Krasnodar, Russia.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 17.02.2023.

The article was submitted 23.01.2023; approved after reviewing 17.02.2023; accepted for publication 17.02.2023.